

Проф. Николай Иванов

Польское государство и «польская операция» НКВД 1937–1938 гг.

Среди жертв Большого террора в Советском Союзе было почти 200 тыс. поляков. Как ни парадоксально, но в сегодняшней Польше знание об этом преступлении не функционирует в общественном сознании. Единственной в мире организацией, которая с середины девяностых годов систематически прилагает усилия к возрождению памяти о «польской операции» НКВД, является московский «Мемориал», уже много лет ведущий картотеку жертв Большого террора. Среди собранных карточек с документально подтвержденными сведениями насчитывается около 20 тыс. имен, принадлежащих полякам. В Польше только сейчас начинается работа над увековечением памяти жертв этого преступления.

Причину такого положения дел следует искать, прежде всего, в том, что за «польской операцией» стоял один из самых беспощадных и жестоких тоталитарных режимов XX века, который в течение всей истории своего существования в качестве основного инструмента государственной политики использовал ложь. Польская и другие национальные операции в период Большого террора были составным элементом сталинской системы управления страной. Это был полностью регулируемый процесс. Все основные этапы «польской операции», ее главные задачи, методы и инструменты репрессий были предусмотрены соответствующими законами, постановлениями и приказами правительства, партийного Политбюро и НКВД. Однако главную роль в этом процессе играли воля и образ мыслей одного человека – Иосифа Сталина.

В управлении процессом террора Сталин проявлял исключительную проницательность и работоспособность. Он лично скрупулезно анализировал материалы, связанные с деятельностью высокопоставленных членов партии, командного состава Красной Армии, руководителей основных отраслей народного хозяйства – в его понимании потенциальных конкурентов в борьбе за абсолютную власть.

Лично определял главные направления репрессий, указывал, кого следует уничтожить, а кого пощадить. При этом реальная виновность того или иного человека, играющего важную роль в политической жизни страны, не имела ни малейшего значения. Вину определял Сталин, который давал органам НКВД указание об аресте конкретного человека или соответствующее разрешение. А осуществление репрессий против сотен тысяч обычных людей – поляков и представителей других национальностей – было делом партийных органов и НКВД. Сталин не вникал в детали массовых репрессий, он лишь поощрял своих подчиненных, чтобы те еще активнее включались в работу машины террора, увеличивали нормы арестов, ужесточали преследование жертв.

При этом он сознательно построил систему всеобщей взаимозависимости палачей. Участвующие в проведении репрессий советские служащие и работники НКВД всех рангов постепенно становились «заложниками террора», которых Сталин при необходимости мог обвинить в преступлениях, совершенных по его указаниям. Репрессивные акции периода Большого террора, в том числе и «польская операция», почти всегда завершались обвинением и казнью самих исполнителей.

Сталинская машина Большого террора, несмотря на многочисленные трудности и проблемы, работала относительно исправно. После распада Советского Союза и временного рассекречивания ранее закрытых советских архивов стали известны фрагменты документов, касающихся репрессивных акций тридцатых годов XX в. С одной стороны, НКВД вело точную статистику, а в свою очередь Сталину нужны были правдивые данные о его жертвах. Благодаря этому сегодня мы можем сравнительно точно воссоздать картину расправы над поляками.

В девяностых годах XX в. благодаря кратковременной либерализации власти в Российской

Федерации доступ к этим данным получил «Мемориал», российская общественная организация, состоящая, главным образом, из бывших диссидентов – противников коммунизма, занимающаяся сохранением памяти о жертвах репрессий коммунистического режима. Благодаря польскому подразделению этой организации, вот уже много лет действующему под руководством Александра Гурьянова, в научный оборот удалось ввести данные о количестве жертв «польской операции». Они не совсем точны, поскольку в документах НКВД по «польской операции» нет сведений о национальностях. Поэтому при итоговой оценке общего числа поляков, павших жертвами Большого террора, небольшая часть данных была рассчитана приблизительно; возможно, их удастся уточнить в ходе дальнейших исследований.

В годы Большого террора в Советском Союзе было репрессировано около 1 процента всего населения страны всех национальностей. Среди поляков эта доля была почти в пятнадцать раз больше. Из без малого 1,2 млн поляков, проживавших в СССР, было уничтожено почти 200 тыс. человек.

В межвоенный период (1918–1939 гг.) Польская Республика была для руководства Советского Союза и Коминтерна «авангардом мирового империализма», готовящимся к неизбежной (согласно советской пропаганде) войне с «родиной мирового пролетариата». Теоретически польско-советские отношения должны были быть хорошими, так как их детально регламентировал Рижский мирный договор 1921 г. Статья VII договора содержала гарантии свободного развития национальных меньшинств на территории Польши и советских республик: России, Украины и Белоруссии. В действительности же в Москве положения договора толковались весьма инструментально и избирательно.

В начале двадцатых годов отношение властей межвоенной Польши к проблеме поляков, проживающих за восточной границей, отличалось прагматизмом. С течением времени они оказались абсолютно беззащитны перед методами индоктринации тоталитарного государства. Коммунистические эксперименты с польским населением пограничных районов («Кресов») воспринимались, преимущественно, как очередная попытка России деполонизировать территории «за Збручем». Поначалу польские власти, ссылаясь на статью VII Рижского договора, предпринимали попытки взять под защиту поляков в СССР и обеспечить им относительную экстерриториальность. Они наивно полагали, как нечто само собой разумеющееся, что советские граждане польской

национальности будут лояльны по отношению к их возрожденной исторической родине. В связи с этим польские власти какое-то время, например, строили иллюзорные планы создания и контролирования польской системы образования на территории советской Украины и Белоруссии. В сентябре 1921 г. Совет Министров Польской Республики даже принял постановление о выделении 4 млн марок ежемесячно на финансирование школ, находящихся за восточной границей. К сожалению, эти деньги так и не были потрачены по назначению.

Во второй половине двадцатых и в начале тридцатых годов, по мере стабилизации политической ситуации в Европе, а также ширящегося признания СССР западными державами изменилось отношение польских СМИ и общественности к советской национальной политике. Польская сторона заняла в отношении этих вопросов позиции, характеризующиеся прагматизмом и признанием существующих реалий. Процесс рассеивания иллюзий по поводу возможности сохранения статус-кво в отношении ситуации поляков на территории так называемых «дальних Кресов» (т. е. земель, ранее принадлежавших Польше, которые в силу Рижского договора вошли в состав СССР), отразила на своих страницах газета «Kurier Wileński» за 10 апреля 1927 г.:

Невелик и небогат этот своего рода Пьемонт польских коммунистов (Мархлевщина). Ведь речь идет не о чем-то, что способно к развитию, а всего лишь об агитационном центре... Большевики вложили в польский район внушительные суммы денег, чтобы повысить благосостояние его жителей, которые должны, ясное дело, формировать кадры агитаторов, предназначенные на экспорт в Польшу. С другой стороны пограничного кордона в бой идут люди, вкладывающие в него всю энергию фанатиков идеи. Пусть никто не говорит, что там есть только наемные агитаторы... Это не *homines novi* (новые люди), работающие за большевистское золото. Большинство из них это те, кто накануне и в начале войны входил в состав революционных и национально-освободительных организаций и был готов бороться за Польшу. Если сегодня они оказались под командованием Кремля, то сделали это, располагая оружием, которое нелегко одолеть – верой. Сегодня против них надо использовать наши идейные ресурсы и вступить в бой [вооружившись] действительными, верными методами.

Однако возможности Польши в области «использования своих идейных ресурсов» были ограничены не тем, что этих ресурсов было немного,

а тем, что не хватало механизмов их доставки конечным адресатам – полякам в Советском Союзе.

Система польской автономии в СССР вызывала обоснованные опасения польских властей. Польские правительственные круги отдавали себе отчет, что советские действия в этой области создают угрозу интересам как внутренней, так и внешней политики Польши. Один из ведущих польских дипломатов в СССР Петр Курницкий в своем отчете метко охарактеризовал широкомасштабные планы по поводу польского населения пограничных районов:

Мархлевский район – это своего рода лаборатория, в которой идет эксперимент по прививанию коммунизма польскому населению, поэтому и условия проведения этого эксперимента пытаются сделать «идеальными». К лаборатории приковано внимание как местной, так и центральной партийной и государственной власти. Наконец, этот район должен стать козырем пропаганды на международной арене, адресованной, в первую очередь, Польше.

Эта характеристика отражает суть советской политики в отношении польского населения. Петр Курницкий небезосновательно оценивал эффекты такой политики не как победу коммунистической идеологии, а как результат использования принуждения и «принятие поляками коммунистического строя как неизбежного зла».

Возможности польской дипломатии, если речь идет о защите поляков от советизации и репрессий, были очень ограничены. В январе 1929 г. в Советском Союзе действовало шесть польских дипломатических представительств: посольство в Москве и пять консульств – в Ленинграде, Минске, Харькове, Киеве и Тбилиси (Тифлисе). Их взаимодействие с местными польскими диаспорами состояло, в первую очередь, в благотворительной помощи и материальной поддержке семей арестованных поляков. В двадцатых годах существовала еще возможность оказания помощи репрессированным полякам посредством обмена политических заключенных. Когда начался антипольский террор, такие операции уже не проводились.

После начала массовых репрессий против проживающих в Советском Союзе поляков расходы польских дипломатических представительств в СССР на материальную помощь репрессированным полякам составляли значительную долю их бюджетов. Эта помощь передавалась обычно через советский Красный Крест, а порой попадала к нуждающимся без посредников. Советская сторона разрешала оказывать помощь полякам в СССР при условии, что

в Польше будет предоставлена свобода действий так называемой «Международной организации помощи борцам революции». По распоряжению Коминтерна она занималась помощью политическим заключенным левого толка, содержащимся в польских тюрьмах.

В тридцатые годы возможности предоставления благотворительной помощи репрессированным полякам еще более сократились. Советские органы безопасности не жалели сил для максимальной изоляции польских консульских учреждений. Поляку, являющемуся советским гражданином, любая связь с польским консульством грозила серьезными последствиями. В период Большого террора страх перед какими бы то ни было контактами с польскими учреждениями был так огромен, что сотрудники посольства и, в первую очередь, консульств были не в состоянии вызвать врача к больному, найти мастера, когда требовался ремонт, или уборщицу для уборки помещений. Особенно мучительным было отсутствие возможности покупать продовольственные товары на свободном рынке. На ввоз продуктов питания из Польши тоже была наложена высокая пошлина. Использовалась тактика изоляции польских дипломатов от всех источников информации и контактов с местным польским населением. Генеральный консул Польской Республики в Киеве Ежи Матусиньский писал в отчете для МИДа, что в целях лишения польских дипломатов возможности свободно передвигаться на машине возле здания консульства днем и ночью стояли два автомобиля с агентами НКВД, которые должны были следить за всеми действиями поляков за пределами консульского учреждения. Консульство было лишено телефонной связи с Варшавой, а разговора с посольством Польши в Москве надо было ждать от нескольких до десяти с лишним часов.

В условиях очередной волны антипольского террора усиливались эмиграционные настроения. Уже в 1930–1931 годах в польские консульства обращалось много поляков, умолявших дать им возможность выехать в Польшу. Ситуация сделалась настолько критичной, что посол Польской Республики в Москве Станислав Патек обратился по этому поводу к министру иностранных дел Августу Залескому. Он призывал, чтобы из гуманитарных соображений несмотря на трудную экономическую ситуацию в Польше дать преследуемым полякам возможность приехать в страну.

Парадокс этой ситуации заключался в том, что не от польских властей зависело, смогут ли страдающие поляки выехать в Польшу. Даже если бы польское консульство признало заявителя гражданином

Польской Республики и выдало ему польский паспорт, советские власти должны были бы выдать ему выездную визу, а это делалось только в исключительных случаях. В 1933 г. киевское консульство в течение шести месяцев выдало более 3 тыс. разрешений на выезд в Польшу лиц, желающих покинуть Советский Союз, но только трое из них получили выездные визы и действительно смогли уехать.

К сожалению, надо признать, что во многих отношениях польская дипломатия не лучшим образом справилась с оказанием помощи преследуемым полякам. Ее руки были связаны страхом перед принижающей страну коммунистической агентурой и осознанием трудной экономической ситуации Польши. Это резко отличалось от позиций немецкой дипломатии, которая делала гораздо больше для своих соотечественников, подвергавшихся преследованиям в Советском Союзе. В период Великого голода, в 1932–1933 годах, немецкие дипломаты вынудили советское руководство дать разрешение на выезд из СССР 23 тыс. граждан этой страны немецкой национальности.

С наступлением Большого террора возможности польской дипломатии по защите поляков свелись практически к нулю. Польское посольство в Москве и, в особенности, польские консульства превратились в осажденные крепости. НКВД следило за каждым шагом польских дипломатов. Сотрудники дипломатических учреждений подвергались различного рода преследованиям, призванным помешать им выполнять свои служебные обязанности. Как писал из Киева в своем отчете для польского посольства в Москве генеральный консул Ежи Матусиньский, агенты НКВД, вероятно, получили приказ запугать работников консульства. После выхода консульского работника из здания агенты следовали за ним по пятам. Они не позволяли ему даже перекинуться парой слов со случайно встреченными прохожими, преследовали в магазинах, трамваях. Во время прогулки по парку они могли не стесняясь сесть на ту же скамейку.

В августе 1938 г. преследования польских дипломатов приняли новую форму, немислимую в контексте международных дипломатических отношений. Агенты НКВД начали ходить рядом с работниками консульства, плечом к плечу, стараясь при любом удобном случае толкать их локтями. Выезд из гаража консульства был заставлен машинами НКВД и даже генеральный консул не мог пользоваться

принадлежавшими консульству автомобилями. Подобные преследования польских дипломатов прекратились только после ответных действий Польши в отношении советских дипломатов в Польской Республике. Соглашение по этому вопросу было подписано 21 августа 1938 г.

Представленные факты свидетельствуют о том, что в тридцатые годы польская дипломатия была, поневоле, только пассивным свидетелем трагедии польского населения пограничных районов. Она могла лишь с сочувствием наблюдать за геноцидом поляков и информировать о нем польские власти. Ее возможности действовать в условиях сталинской тоталитарной системы были очень ограничены, а с наступлением Большого террора, по сути, исчезли. Реальные механизмы давления на советскую власть тоже были очень слабыми, а имевшиеся минимальные возможности повлиять на СССР для облегчения трагической судьбы поляков, граждан этого государства, не были использованы. Польша была обречена на роль пассивного наблюдателя этих трагических событий.

Разыгравшаяся почти 80 лет назад трагедия в современной Польше практически не известна. Во времена коммунизма это было запретной темой, однако в отличие от катынской и волынской трагедий память о «польской операции» не вернулась. Это можно легко объяснить: об увековечении памяти жертв Катыни или волынской резни позаботились их проживающие в Польше родственники, которые, имея высокий социальный статус, часто пользовались возможностью выступать от их имени, особенно после падения коммунизма. У убитых во время «польской операции» нет таких защитников. Их близкие или были убиты вместе с ними, или переселены вглубь СССР и советизированы.

Сегодня мы должны остановить продолжающийся процесс стирания исторической памяти народа и возродить память об этом жесточайшем преступлении. «Забытый геноцид» не должен по-прежнему оставаться забытым. Кровь польского крестьянина из-под Житомира не менее ценна, чем кровь польского офицера, убитого в Катыни. В почитании памяти жертв тоталитарных режимов не должно быть поляков первого и второго сорта. В ходе «польской операции» погибло, как минимум, в десять раз больше человек, чем в Катыни, Харькове, Медном и других местах сталинских преступлений в 1940–1941 годах. Пора, наконец, возродить память об этом страшном злодеянии. ■